

*Посвящается
Дженнифер Рэнкин (1941—1979).
А также Грейми, Джеймсу и Джону*

Присутствие мужчины предполагает, что он способен совершить по отношению к тебе. Напротив, присутствие женщины... определяет, что может или не может быть совершено по отношению к ней.

Джон Бёрджер. Искусство видеть

I

— Так я оказалась здесь, — сказала Ренни.

Это произошло на следующий день после ухода Джейка. Домой я возвращалась около пяти вечера. Я заходила на рынок, поэтому у меня в руках кроме сумочки была корзина с покупками. Теперь, когда Джейк исчез с горизонта, таскать приходилось не слишком много, кроме того, у меня побаливали мышцы левой руки — я забросила предписанные упражнения. Деревья вдоль улицы сменили окрас, на тротуар падали листья, желтые и коричневые, а я думала: «Что ж, все не так плохо — я все еще жива».

Мой сосед, старик-китаец — его имени я не знала — убирался в переднем дворике. Мой дворик был выложен плиткой, чтобы можно было ставить машину. Это означало, что наша улица скорее дорожает, чем дешевеет, и через пару лет мне придется съехать; впрочем, я перестала мыслить годами. Сосед уже выкорчевал мертвые растения и теперь сгребал землю граблями в овальную клумбу. Весной он посадит растения, названия которых мне неизвестны. Помню время, когда я думала: «Если ты вообще собираешься жить, самое время выучить названия».

Я не заметила их «Круизер», они припарковали его, как обычную машину, безо всяких мигалок, да еще за парудомов, и я просто не обратила внимания. Здесь полицейская машина — лишь часть пейзажа, в отличие от северных районов.

Входная дверь была открыта; впрочем, в такой теплый день такое в порядке вещей. Соседка с первого этажа — не домовладелица, но с характерными повадками — дер-

жит кошек или кого-то в этом роде и часто оставляет входную дверь приоткрытой, чтобы те могли выходить на улицу из квартиры через маленькую дверцу. «Кошачий тоннель» — называет ее Джейк; то есть называл.

Моя дверь на верхнем этаже тоже была открыта. Внутри кто-то был — мужчины, они разговаривали, смеялись. Я не могла представить, кто это мог быть, точно не Джейк, но было ясно, что им не важно, услышат их или нет. Ключ по-прежнему лежал под ковриком, где я его оставила, зато дверной косяк в одном месте был поврежден, замок буквально выворочен. Я вошла в гостиную, заставленную коробками с книгами, которые Джейк упаковал, но еще не успел забрать. Все стояло на своих местах. Через дверь на кухню я увидела их ноги, ботинки начищены, брюки выглажены.

За столом сидели двое полицейских. Мгновенный ужас: опоздала в школу, застучали на лестнице в корпусе мальчиков, вообще — застучали. Единственное, что пришло мне в голову, — они нашли косяк; но ящики не выдвинуты, а банки с чаем и кофе на привычных местах. Потом я вспомнила, что Джейк унес все припасы с собой. А что? Его право. Да и вообще сейчас это как-то меньше всех волнует, все покуривают, даже полицейские, это уже почти легально.

Младший из них поднялся, второй остался сидеть. Сидел и улыбался мне с таким видом, словно я пришла сюда на собеседование.

— Вы мисс Уилфорд? — спросил он. Ответа он не ждал. — Вам здорово повезло.

У него была крупная голова, а волосы стрижены ежиком и уложены в панковский ирокез, но выглядел он старомодно, как привет из пятидесятых: отсутствовали зеленые «перья».

— Почему? Что случилось? — спросила я.

— Соседи у вас — сказка, — сказал молодой. Он был

похож на учителя физкультуры в школе или на баптиста — лет двадцати двух, честный, серьезный. — Например, женщина снизу. Это она нам позвонила.

— Был пожар? — спросила я. Никаких признаков. Ни малейшего запаха гари.

Старший рассмеялся. Второй нет.

— Нет, — сказал он. — Она услышала шаги наверху, но знала, что вас нет дома, — видела, как вы ушли, и не слышала, чтобы кто-то поднимался по лестнице. Он проник через окно в кухне.

Я поставила корзину на стол. Потом пошла посмотреть на окно — оно было приоткрыто на пару футов. Белая краска частично содрана.

— Это можно сделать с помощью финки, — сказал он. — Советую поставить специальные замки. Он услышал нас и ушел так же, через окно.

— Он что-то украл? — спросила я.

— Это вы нам скажете, — ответил старший.

Молодой нервничал.

— Нам не кажется, что это был грабитель, — сказал он. — Он сделал себе шоколадный напиток. Похоже, он просто ждал вас.

На столе стояла кружка с недопитой коричневой жидкостью. Меня затошнило от мысли: абсолютно незнакомый человек в моей кухне, открывает мой холодильник, шарит по шкафчикам, может, напевает себе под нос, словно у себя дома; словно он здесь — свой.

— Зачем? — говорю я.

Старший полицейский поднялся. Он как-то сразу занял всю кухню.

— А вы посмотрите, — сказал он, упиваясь важностью своего положения. — Он оставил для вас подарок.

Он прошел мимо меня через гостиную в спальню. Хорошо, что я утром заправила постель: в последнее время я часто ленилась.

На стеганом покрывале лежал аккуратно свернутый моток веревки. Самая обыкновенная веревка, ничего шокирующего. Светло-бежевая, средней толщины. На такой удобно развешивать белье.

Мне вспомнилась игра, в которую мы играли в детстве, — то ли «сыщик», то ли «улика». Нужно было угадать, кто это: мистер Грин в подвале, с разводным ключом; мисс Плам в кухне, с ножом. Вот только я не могла вспомнить, имя на конверте принадлежало убийце или жертве. И мисс Уилфорд в спальне, с веревкой.

— Он просто ждал тут вас, — повторил младший полицейский за моей спиной.

— Попивая овалтин¹, — сказал старший. Он смотрел на меня с высоты своего роста почти с восторгом, как взрослый, только что сказавший непослушному ребенку с разбитой коленкой «я же тебя предупреджал».

— Так что вам повезло, — сказал молодой.

Он прошел в спальню и взял веревку с кровати, осторожно, словно заразную. Я увидела, что он старше, чем показалось мне сначала: вокруг глаз у него собрались тревожные морщинки.

Старший распахнул шкаф, небрежно, как будто имел полное право. Там все еще висели два костюма Джейка.

— Вы ведь одна живете? — спросил он.

Я сказала, что да.

— Ваши картины? — спросил старший, ухмыляясь.

— Нет, — сказала я. — Моего друга.

Это были картины Джейка, он должен был увезти их.

— Понятно, что за друг, — сказал старший.

— По всей видимости, он наблюдал за вами какое-то время, — заметил младший. — И, видимо, знал, когда вы возвращаетесь домой. Есть идеи, кто это может быть?

— Нет, — ответила я.

---

¹ Популярный швейцарский солодовый напиток.

Мне захотелось сесть. Я подумала, не предложить ли им пива.

— Маньяк, — произнес старший. — Если бы вы знали, что за типы разгуливают на свободе, вы бы носу из дому не казали. Вы закрываете шторы, занавески в ванной, когда моетесь?

— У меня нет штор в ванной, — ответила я. — У меня ванная без окна.

— Вы закрываете шторы в спальне, когда раздеваетесь на ночь?

— Да, — сказала я.

— Он вернется, — произнес младший. — Такие всегда возвращаются.

Но старший не отступал.

— У вас часто остаются мужчины? Разные мужчины?

Он хотел сказать, мол, сама виновата — невольно, конечно, небольшая оплошность, провокация. Сейчас начнет поучать меня, рассуждая о замках, о жизни в одиночестве, о безопасности.

— Я закрываю шторы. У меня не остаются мужчины. Я выключаю свет. И раздеваюсь сама. В темноте.

Старший ухмыльнулся, мол, знаю я этих одиночек, и я вдруг разозлилась. Я расстегнула блузку, вытащила из рукава левую руку и спустила с плеча лямку лифчика.

— Э, какого черта? — сказал старший.

— Хочу показать, чтобы вы мне поверили, — ответила я.

* * *

В Барбадосе будет двухчасовая остановка, по крайней мере, ей так сказали. Ренни нашла в тамошнем новехоньком аэропорту с фоновой музыкой женский туалет, где сняла теплую одежду и переделалась в летнее платье. Она рассматривает в зеркале свое лицо, нет ли тревожных признаков. Вот честно, она выглядит пре-

красно и совершенно нормально. Платье на ней нежно-голубое, лицо не слишком бледное, макияжа ровно столько, чтобы не казаться странной — постаревшей хиппушкой или одной из секты плимутских братьев¹, например. Именно о таком впечатлении она и мечтает — о нейтральности; это необходимо ей в работе, как она часто повторяла Джейку. Невидимость.

— Ну попробуй! — повторял Джейк во время одной из его «кампаний» по ее изменению. — Что там было в тот раз? Да, рубиновый атлас, тонкие ляпочки со стразами. Заяви о себе!

— Заявления делают другие, — сказала я. — Я лишь записываю.

— Это отговорка, — говорил Джейк. — Если тебе есть что показать — так вперед!

— Видит бог, в этом весь ты, — сказала Ренни.

— Умешь ты поставить на место, — сказал Джейк, скалясь и показывая в улыбке зубы — идеальные, не считая чуть удлиненных резцов.

— Тебя невозможно поставить на место, — ответила Ренни. — За это я и люблю тебя.

В туалете была сушилка для рук, которая обещала защиту от заразы. Инструкции были на французском и английском, сделано в Канаде. Ренни моет руки и сушит их в сушилке. Она обеими руками за защиту от заразы.

Она думает о том, что оставила позади, что отменила или не потрудилась отменить. Что касается квартиры, она просто заперла дверь на блестящий новый замок и ушла прочь, ведь теперь ей нужно было рвануть куда подальше. С каждым днем все проще, посуда в раковине

---

¹ Консервативная религиозная группа протестантской направленности.

лежит две, три недели, подумаешь, небольшая стопка, она уже почти избавилась от чувства вины; и очень скоро избавится навсегда.

Ренни повезло, что она знает лазейки — умеет порой увилывать от реальной жизни; большинство не умеет. Она ничем не связана, это тоже преимущество. И хорошо, что она умеет быть гибкой, это помогает знакомиться с людьми, например так было с Кейтом. Он недавно перешел в «Вайзор» из «Торонто-лайф». Он ее знакомый, а это совсем не то, что друг. Пока Ренни лежала в больнице, она поняла, что большинство ее друзей на самом деле лишь знакомые.

— Я хочу куда-нибудь в теплое и далекое место, — сказала она.

— Сходи в «Кафе во дворике», — ответил Кейт.

— Я серьезно, — сказала Ренни. — Моя жизнь пошла наперекосяк. Мне нужно... просто позагорать.

— Хочешь написать горячий материал про Карибы? Так все хотят.

— Нет-нет, никакой политики, — сказала она. — Я сделаю тебе отличную статью в рубрику «солнце — море», винные карты, теннисные корты, всё как ты любишь.

— В последний раз ты отказалась писать статью на мою тему, — заметил Кейт. — Кроме того, ты только что вернулась из Мексики.

— Это было в прошлом году, — сказала она. — Ну брось, мы же старые друзья! И мне правда нужно на время уехать.

Кейт вздохнул и согласился. Пожалуй, чересчур быстро. Обычно он торговался дольше. Наверное, слышал о ее операции; возможно даже знал, что ее бросил Джейк. У него был такой немного жалостливый взгляд, как будто он хочет что-то для нее сделать, вроде как по-дать на бедность. Ренни ненавидит жалость.

— Не задарма, конечно, — сказала она. — Я ведь не то чтобы бесполезна.

— Выбери остров, — ответил Кейт. — Только такой, про который мы не писали. Может, вот этот? Один мой друг оказался там, по стечению обстоятельств. Говорит, совсем не туристическое место.

Названия Ренни никогда не слышала.

— Вот и отлично! — ответила она.

Обычно она готовилась заранее, но на этот раз времени совсем в обрез. Она летит «вслепую». Ренни укладывает вещи в чемодан, засовывает колготки во внешнее отделение со встроенными часами. Потом идет в ресторан, там плетеная мебель, и заказывает джин с тоником. Она не смотрит на море вдаль, пронзительно-голубое до неправдоподобия.

Ресторан полупустой. Несколько одиноких женщин, компании подружек, две-три семьи. Одиноких мужчин нет. Одинокие мужчины, как правило, идут в бар. Еще она узнала, с тех пор как ушел Джейк, что, если слишком долго оглядывать зал несколько отстраненным взглядом, характерным для женщин, которые пришли без компании, но не прочь в ней оказаться, один из одиноких посетителей может к ней присоединиться. Поэтому она смотрит на свои руки и на кубик льда в бокале, который, впрочем, мгновенно тает, несмотря на работающий кондиционер.

Подойдя к выходу на посадку, Ренни узнаёт, что самолет задерживается. Она начинает бродить между киосков с сувенирами: черные вязаные куколочки ручной работы, портсигары и ручные зеркальца, украшенные ракушками, ожерелья из акульих зубов, надутая и высушенная рыба-еж. Рядом миниатюрный оркестр духовых, с музыкантами-жабами, прищипленными к коряге. Приглядевшись, она видит, что жабы настоящие, то есть это их раскрашенные чучела. Было время, когда бы она точно купила эту жуть и подарила кому-нибудь, в шутку.

* * *

Ренни родом из Гризвольда, провинция Онтарио. Гризвольд — это ее «контекст», как принято говорить. Хотя это скорее не контекст — живописные викторианские домики, деревья в осеннем убранстве на холме в отдалении, — а *подтекст*, нечто, чего не видно, но что безусловно присутствует, наполненное выщербленными древними камнями, закопанными огрызками, червями и костями — во что не хотелось бы вляпаться. Те, кто в последнее время с такой страстью ищут свои корни, просто никогда не видели их вблизи, любила говорить Ренни. А она видела и предпочла бы какую-нибудь другую часть растения.

Сначала Ренни, чтобы рассмешить друзей, рассказывала анекдоты про Гризвольд. Например: сколько жителей Гризвольда нужно, чтобы заменить лампочку? Весь город: один меняет, десять подсматривают, остальные обсуждают, насколько же грешным нужно быть, чтобы хотеть больше света, чем есть. Или: сколько жителей Гризвольда нужно, чтобы заменить лампочку? Ни одного. Раз свет — проявление божественной воли, кто ты такой, чтобы вмешиваться?

Люди из городов побольше, например Джейк, считают, что есть в Гризвольде этакий примитивный экзотический шарм. Ренни так не думает. Она вообще предпочитает не думать о Гризвольде. Она полагает, что Гризвольд — это понятие, с которым она себя антиассоциирует.

Впрочем, избавиться от Гризвольда не так-то просто. Например, когда Ренни увидела на своей кровати моток веревки, она знала, что сказали бы в городе: «Вот что случается с такими женщинами», «А чего ты ждала — ты это заслужила». В Гризвольде все получают то, что заслуживают. В Гризвольде все заслуживают худшего.